

ПЕТЕРБУРГСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ФОРУМ

20—22 июня 2013

**Россия в глобальной повестке
ПОВЫШЕНИЕ ЭНЕРГОЭФФЕКТИВНОСТИ В РОССИИ —
МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ ИЛИ СВОЙ ПУТЬ?**

Панельная сессия

21 июня 2013

09:45—11:00, Павильон 5, Зал 5.2

Санкт-Петербург, Россия

2013

Модератор:

Максим Филимонов, Первый заместитель главного редактора, ФГУП РАМИ
«РИА Новости»

Выступающие:

Дмитрий Конов, Председатель правления, генеральный директор, ООО
«СИБУР»

Александр Новак, Министр энергетики Российской Федерации

Анатолий Тихонов, Член правления, первый заместитель председателя,
Государственная корпорация «Банк развития и внешнеэкономической
деятельности (Внешэкономбанк)»

Жан-Паскаль Трикуар, Президент, главный исполнительный директор,
Schneider Electric SA

Майкл Фэллон, Министр энергетики и изменения климата Великобритании

Мария ван дер Хувен, Исполнительный директор, Международное
энергетическое агентство

Александр Чуваев, Исполнительный вице-президент, Fortum Corporation;
глава дивизиона «Россия»

М. Филимонов:

Доброе утро, мы начинаем работу панели, которую мы озаглавили «Повышение энергоэффективности в России — международный опыт или свой путь?» Меня зовут Максим Филимонов, я первый заместитель главного редактора «РИА Новости» и сегодня модерую это обсуждение.

Я думаю, мало кто сможет поспорить с тем, что тема энергоэффективности является одной из самых важных и, при этом, одной из самых недооцененных тем и в российском публичном обсуждении, и в российском медиапространстве. При этом ее потенциал для российской экономики по очень многим показателям является просто колоссальным. В России, как и во многих других странах, не так давно была принята программа повышения энергоэффективности, в соответствии с которой к 2020 году удельное энергопотребление в России должно снизиться на 40%. Однако есть такое ощущение, что многие меры в этой сфере начинают если не пробуксовывать, то реализовываться не так активно, как хотелось бы и Правительству, и многим другим. Этому мешают несколько объективных факторов. Один из них — относительно низкая стоимость энергоресурсов и энергии в России. Ведь фактор резкого роста цен на нефть в начале 70-х годов в западном мире стал тем толчком, который вызвал бурное развитие технологий энергоэффективности. У нас этот фактор в полной мере не работает. Другой фактор — это несовершенство технического регулирования, отсутствие понятных для населения и для бизнеса стимулов к повышению собственной энергоэффективности. И наконец, фактор, в котором мы все живем, — это макроэкономические проблемы. Это риск замедления глобальной и российской экономики, который заставляет бизнес быть более осторожным в своих инвестиционных планах, в том числе, в отношении энергоэффективности.

Мы собрали очень сбалансированную панель участников, чтобы обсудить весь набор этих вопросов. Разрешите мне представить участников.

Александр Новак, министр энергетики Российской Федерации. Именно от министра мы ждем каких-то основных тезисов, которые позволят нам понять, что будет происходить с энергоэффективностью в России в ближайшее время. Мария ван дер Хувен, исполнительный директор Международного энергетического агентства, которое на глобальном уровне отвечает за разработку стратегий действий стран на уровне «Большой семерки» и на уровне «Большой двадцатки» в этой сфере.

Майкл Фэллон, министр по вопросам бизнеса и энергетики Великобритании. Как известно, Великобритания была одним из пионеров по внедрению многих решений в сфере энергоэффективности. И я думаю, что об опыте Великобритании нам будет очень интересно и очень полезно услышать.

Дмитрий Конов, председатель правления, генеральный директор нефтехимической компании «СИБУР». Как известно, нефтехимия — одна из самых энергоемких отраслей, поэтому взгляд именно этого бизнеса будет очень интересен.

Жан-Паскаль Трикуар, президент компании Schneider Electric, которая внедряет энергосервисные решения во всем мире, в том числе и в России.

Анатолий Тихонов, первый заместитель председателя «Внешэкономбанка». Это единственный на нашей панели представитель финансового института, а взгляд финансистов также очень важен.

И мы также ожидаем Александра Чуваева. Это исполнительный вице-президент и руководитель бизнес-направления по России компании «Фортум», то есть на нашей панели есть и энергетики.

Я передаю слово министру энергетики, Александру Валентиновичу Новаку.

Хотел бы предупредить участников о регламенте. Мы работаем на нашем панельном заседании чуть-чуть больше часа, у нас есть по 5—7 минут на каждого участника, чтобы они могли высказать свое мнение, и затем, если останется время, на вопросы из зала.

Александр Валентинович, прошу Вас.

А. Новак:

Спасибо большое, Максим. Доброе утро, уважаемые коллеги. Хочу поблагодарить за то, что пришли на эту панель. Спасибо за приглашение.

Мне кажется, что тема, которая будет здесь обсуждаться, очень актуальна для России. Вчера Президент Российской Федерации еще раз сказал, что главная цель развития нашей экономики — это модернизация. Мы прекрасно понимаем, что модернизация и энергоэффективность между собой очень связаны. И энергоэффективность является, по сути дела, производной модернизации. Поэтому, безусловно, тема актуальная. Мне кажется, цель сегодняшней панели — обсудить, что делается в России, какие стоят задачи, какие методы и инструменты можно было бы использовать для того, чтобы повысить энергоэффективность.

Мы понимаем и знаем, что государство объявило о политике по снижению энергоемкости к 2020 году — на 40% снизить энергоемкость валового внутреннего продукта по отношению к уровню 2007 года. Бизнес уже сегодня активно занимается этими вопросами. Как уже сказал ведущий, в 2010 году была принята государственная программа, а за год до этого, в 2009 году, был принят специальный закон — закон номер 261. Фундаментальная база для повышения энергоэффективности была заложена. В России появились такие понятия, которые давно используются во всем мире — энергоаудит, энергосервисы. Повысилось количество приборов учета, в том числе такая задача была поставлена в бюджетной сфере. За последние два года число этих приборов было увеличено в полтора раза. Бюджетная сфера обеспечена приборами учета уже почти на 90%.

Много сделано в нормативной базе. Принято около 70 нормативно-правовых актов, выполнены действия, связанные с налоговыми преференциями по энергоэффективности, по ускоренной амортизации оборудования, которое является энергоэффективным. То есть, по сути дела, большая работа проведена, база заложена.

Выделены деньги из бюджета. Ежегодно в виде субсидий субъектам Российской Федерации в качестве мотивирующих факторов выделяются средства в размере от пяти до шести миллиардов рублей. Они, в свою очередь, дают мультипликативный эффект за счет привлечения средств субъекта Российской Федерации и средств бизнеса на реализацию энергоэффективных проектов, которые в субъектах Российской Федерации в основном идут на новые проекты. Это проекты, связанные с эффективностью уличного освещения, заменой оборудования котельных на более эффективное, с жилищно-коммунальным хозяйством. Мы анализируем и знаем, куда тратят средства по своим программам субъекты Российской Федерации.

Тем не менее, несмотря на все эти факторы, что мы наблюдаем? У нас темпы снижения энергоемкости валового внутреннего продукта пока не такие, которые хотелось бы иметь для того, чтобы достичь показателя по снижению в 40% энергоемкости ВВП. Если идти такими темпами, как сегодня (в 2011 году энергоемкость ВВП России была снижена на 1,5%, в 2010 году — на 2,5%), то мы снизим энергоемкость где-то на 25%. То есть дельта между 40% и 25% — это то, над чем нужно дополнительно поработать. И я считаю, что важнейшая задача, которая сейчас стоит перед нами, — найти новые инструменты, дополнительно изучить международный опыт по тем механизмам и инструментам, которые действуют в других странах и которые дают дополнительный эффект, чтобы мы получили дополнительное ускорение по снижению энергоемкости, по повышению эффективности практически во всех отраслях.

Я могу сказать, что российская экономика, конечно, несколько отличается от других экономик по своей энергоемкости, по структуре. Мы видим, что львиную долю в потреблении энергоресурсов занимают такие отрасли, как электроэнергетика, теплоэнергетика, жилищно-коммунальное хозяйство, транспорт. Эти несколько составляющих, которые я перечислил, фактически потребляют до 70% энергоресурсов. Плюс еще добыча углеводородов,

нефтехимия, сюда же входит и энергоемкая металлургия, в том числе алюминиевая отрасль и черная металлургия. Семьдесят процентов.

Интересная цифра, которую вы наверняка знаете, но которую я, тем не менее, хотел бы обозначить. Мы имеем на сегодняшний день самый высокий в мире уровень производства тепла. Два миллиарда гигакалорий — это самый высокий уровень. У нас самое высокое в мире количество котельных и потребление, и при этом высокий износ оборудования. Понятно, что есть большие резервы для повышения энергоэффективности и замены устаревшего оборудования.

Если брать электроэнергетику, на сегодняшний день мы затрачиваем где-то 330 грамм условного топлива на производство одного киловатт-часа, в то время как лучший показатель в мире — это 220 грамм условного топлива. То есть фактически в полтора раза меньше. То же самое относится и к потреблению электроэнергии и энергоресурсов в таких отраслях, как черная металлургия, как цементная промышленность, где мы еще используем такие устаревшие технологии, как, например, метод мокрой очистки. Они потребляют на 30% больше электроэнергии, чем, если бы использовались современные методы сухой очистки. В Японии, например, 100% предприятий в цементной отрасли используют современные методы, сухие способы производства цемента. В России соотношение в другую сторону: где-то 15% таким способом и 85% — старыми методами. То есть резервы огромны.

Вопрос сегодняшней дискуссии, как мне кажется, заключается в некоторых развилках: каким образом нам мотивировать ускоренное снижение энергоемкости и повышение энергоэффективности? Есть, в принципе, два таких известных способа. Один способ — это метод экономического стимулирования. Второй способ — это метод жесткого регламентирования по отношению к техническим, технологическим, экологическим требованиям, используемым во всем мире.

У каждого способа есть свои плюсы и минусы. В частности, если говорить об экономическом стимулировании, то понятно, что, допустим, переход в

электроэнергетике с паросиловых установок на парогазовые установки возможен и экономически эффективен в том случае, если будет установлена более высокая цена на газ, при которой будет маржинальный доход, позволяющий окупать инвестиционные затраты на переоборудование. Не секрет, что при существующих ценах на энергоресурсы в этой отрасли пока имеется недостаток маржинального дохода для переоборудования. Хотя у нас 37 из 223 гигаватт мощности производства электроэнергии составляют старые паросиловые установки. И здесь огромный резерв по снижению энергоемкости, по повышению эффективности, поскольку понятно, что коэффициент полезного действия паросиловых установок на сегодня в районе 35%. А если внедрить современные парогазовые установки методами экономического стимулирования, этот коэффициент может быть повышен до 55—60%, то есть до самых высоких уровней. Это, в свою очередь, значительно снизит потребление энергоресурсов.

В целом, если говорить о последствиях, мне кажется, что очень важны экономические методы стимулирования, и основная задача в этой части состоит в том, чтобы создать механизмы, которые позволили бы привлечь инвестиции в наши энергоемкие отрасли. В частности, если брать электроэнергетику и теплоэнергетику, я считаю, что мы можем это сделать. Сегодня Министерство энергетики работает над новой моделью рынка, над продолжением тех реформ, которые происходят в электроэнергетике, для создания возможностей по привлечению инвестиций в электроэнергетику для обновления, модернизации и строительства новых генерирующих мощностей. В соответствии с нашей программой, мы до 2020 года планируем дополнительно модернизировать около 50 гигаватт мощностей, и это очень большая цифра. Для этого необходимо создавать соответствующие экономические стимулы и инструменты. В первую очередь, это долгосрочные двусторонние договоры между потребителем и производителем, которые позволили бы обеспечить приток необходимых инвестиций на обновление и модернизацию основных фондов.

Огромный резерв мы видим в тепловой энергетике. За последние годы у нас значительно снизилась когенерация, когда оборудование одновременно работает на производство электроэнергии и тепла. И в этой связи очень сильно понизилась эффективность соответствующих теплоэлектростанций. Министерство энергетики ставит перед собой задачу предложить в этом году новую модель рынка тепла, которая бы также позволила создать экономический стимул для модернизации тепловых станций, электроэнергетических станций.

О чем бы еще я хотел сказать? Что касается технического регулирования, в этой части, как мне кажется, во многих странах накоплен большой опыт, и о нем могут рассказать мои коллеги, которые сегодня здесь присутствуют. Мне кажется, что это очень сильный, действенный инструмент, который мог бы существенно повысить энергоэффективность. Надо не бояться устанавливать определенные требования. Хотя мы, безусловно, встречаем серьезное сопротивление.

Я могу привести положительный пример того, как мы преломили сопротивление и условно достигли хорошего эффекта. Например, тема, связанная с утилизацией попутного нефтяного газа на нефтяных месторождениях. Было принято решение, что к 1 января 2015 года утилизация попутного нефтяного газа должна быть не менее 95%. Многие предприятия сначала упирались. Тем не менее, на сегодняшний день работа в этом направлении идет. Фактически, к 1 января 2015 года мы получим этот результат. Тот попутный нефтяной газ, который ранее сжигался, будет использоваться для внутреннего энергопотребления, для производства электроэнергии, либо будет закачиваться в соответствующие пласты и создавать соответствующее давление. Хотя это, конечно же, большие инвестиции для предприятия, во многом не выгодные, но такие требования, установленные государством, позволяют значительно снизить энергоемкость и повысить энергоэффективность.

Приведу второй пример, в котором мы также выдержали свою политику. Он касается классов энергоэффективности и экологичности топлива. Как вы знаете, с 1 января 2013 года мы отказались от второго класса, был принят соответствующий технический регламент. С 1 января 2015 года откажемся от третьего класса и с 1 января 2016 года — от четвертого. Мы простимулировали это, в том числе, и налоговыми преференциями. И сегодня мы видим, что бензин пятого класса производится более высокими объемами, чем мы планировали. То есть предприятия вложили инвестиции и получили от этого эффект.

Еще одно направление, которое, я думаю, было бы целесообразно рассматривать сегодня, — это введение так называемых сертификатов энергоэффективности, которые используются в мире. Мне кажется, что коллеги сегодня об этом также скажут.

И еще я бы обратил внимание на бытовой сектор. В бытовом секторе также есть большие резервы для повышения эффективности. Но в этом плане нам нужно провести соответствующую работу по маркировке бытовых приборов, как это делается во всем мире, и по просвещению населения: в чем эффективность от покупки более энергоэффективных бытовых приборов — холодильников, кондиционеров и так далее. Мне кажется, что здесь мы, как государство, могли бы использовать, в том числе, и стимулирующие меры, например такие, которые используются в других странах: при покупке более энергоэффективных электроприборов часть платежа можно было бы возвращать. Это делает бизнес, это делают предприятия жилищно-коммунального хозяйства, которые напрямую работают с потребителями.

Существует большой массив информации о том, как в мире сегодня работают над энергоэффективностью. Об этом можно говорить долго. В настоящее время мы занимаемся подготовкой изменений в государственную программу, которая была принята в 2010 году и которая действует сегодня. Наша задача — с учетом специфики России использовать самый лучший опыт для достижения тех показателей, которые мы перед собой поставили. Резерв

большой, задачи амбициозные. Мы готовы, как министерство, выходить в Правительство, в Государственную Думу с предложениями и по экономической мотивации по снижению энергоэффективности, и по установлению технических и экологических требований.

Спасибо.

М. Филимонов:

Спасибо большое. Александр Валентинович. Если можно, один уточняющий вопрос. Правильно ли мы Вас поняли, что министерство в своем выстраивании политики по энергоэффективности больше склоняется к тому, чтобы не принуждать бизнес и население к повышению своей энергоэффективности силовым образом, а создавать правильные экономические стимулы с тем, чтобы этот переход происходил плавно и менее болезненно для всех субъектов?

А. Новак:

Максим, я не говорил, что мы больше придерживаемся того или иного инструмента достижения энергоэффективности. Мне кажется, что это должно быть в комплексе. С одной стороны, экономическая мотивация, с другой — жесткие требования. Я не против того, чтобы устанавливать жесткие требования и стандарты, как это делается во всем мире: стандарты энергоэффективности зданий, стандарты энергоэффективности автомобильных двигателей, стандарты энергоэффективности бытовых приборов, и так далее. Мне кажется, что нам не надо бояться этого. Нужно идти по двум путям, в том числе — и по установлению жестких стандартов и требований.

М. Филимонов:

Спасибо большое. Теперь я бы хотел предоставить слово госпоже Ван дер Хувен, руководителю Международного энергетического агентства. Госпожа

Ван дер Хувен, каков Ваш взгляд через призму глобальных проблем и через опыт других стран на то, как в России могут быть применены лучшие практики, которые показали свою максимальную эффективность в других странах?

М. ван дер Хувен:

Благодарю Вас за любезное приглашение. Я хотела бы сделать несколько замечаний по поводу международного восприятия России. Буду честной — и это уже сказано министром Александром Новаком — энергоемкость российской экономики высока. Она очень высока. Россия тратит на производство единицы ВВП в два раза больше энергии, чем страны ОЭСР. Согласно данным Мирового энергетического обзора за 2011 год, если бы Россия в каждом секторе экономики в 2008 году использовала энергию с эффективностью стран ОЭСР, то она снизила бы свое энергопотребление более чем на 200 миллионов тонн в нефтяном эквиваленте (что составляет 30% российского потребления нефти в том же году) либо на 180 миллиардов кубометров газа. Это огромное количество нефти, огромный объем газа и огромная сумма денег. В этом отношении можно и нужно сделать очень многое. Уже введен действенный и гибкий набор правовых норм и регламентов, связанных с энергоэффективностью, — их наличие по-настоящему необходимо, но не менее важно, как они будут применяться, каким будет их мониторинг. Оценка исполнения необходима, потому что люди хотят видеть результаты; если в предложенных мерах они увидят что-то полезное и выгодное для себя, то и представители отрасли, и простые граждане будут следовать новым правилам. Если же польза не осознается, возникают трудности.

Почему мы говорим об энергоэффективности? Когда я была в России пару лет назад (а приезжаю я сюда довольно часто), кто-то спросил меня: «Для чего нам заниматься энергоэффективностью? У нас же достаточно нефти». Это правда, здесь много и нефти, и газа, но их можно использовать с большей пользой и получать за них больше денег. Есть две причины, по которым

энергоэффективность важна. Она ускоряет экономический рост, что мы наблюдаем в других регионах мира. Ее введение стимулирует развитие малых и средних предприятий. Она повышает промышленную конкурентоспособность, которая совершенно необходима, учитывая членство России в ВТО; она же является ключевым пунктом рабочей повестки для саммита Большой двадцатки под председательством России.

Давайте задумаемся: каковы приоритеты для России с этой точки зрения? Первое — разработка драйверов изменений для энергоемких отраслей. Это очень важно, поскольку значительная часть российского промышленного экспорта — энергоемкая продукция, производимая на промышленных предприятиях в течение длительного времени. Эти мощности давно устарели: их эксплуатация оправдывается лишь малыми капитальными затратами и низкой стоимостью потребляемой энергии. Однако их время заканчивается; например, сегодня в Северной Америке появляются новые энергоэффективные предприятия на сланцевом газе. Эти предприятия тоже выигрывают от низких цен на энергию, сопоставимых с внутренними российскими ценами. Это означает, что пришла пора перемен. Сегодня мы видим, что любой стране — не только России — необходимо уделять внимание энергоэффективности промышленности, учитывая как ее конкурентоспособность в будущем, так и перспективы развития энергетики в целом.

Это подводит меня к вопросу об энергоэффективности жилья: имеются возможности достичь высокого уровня в этой сфере. В России следует ожидать продолжительного строительного бума, поскольку значительная часть жилья советских времен не соответствует стилю жизни среднего класса в 21 веке. Важно, чтобы новые дома обладали высокой энергоэффективностью. Для этого необходимо разрабатывать и различными способами вводить в действие более строгие стандарты энергоэффективности для зданий и бытовой техники.

Перейдем к вопросу электроснабжения. Две недели назад мы закончили книгу о реструктуризации российского электроэнергетического сектора, которая была написана в тесном сотрудничестве с российскими заинтересованными сторонами. Одно из ее ключевых положений заключается в том, что, увеличивая темпы инвестирования в современные генерирующие мощности, можно резко повысить эффективность производства электроэнергии. Это, безусловно, создает выгоды для российской промышленности и посылает ей ясные ценовые сигналы. Важно повысить также энергоэффективность конечного потребления.

Что думают и делают люди, предприятия и отрасли в отношении энергетики? Обратимся к промышленным отраслям. Значительная доля энергоэффективных улучшений в странах с переходными экономиками — не только в России, но и повсюду — определяется прямыми иностранными инвестициями, влияющими на рост основного капитала. Мы полагаем, что открытая инвестиционная среда благоприятна и принесет выгоды России в целом, в том числе — повысит энергоэффективность. Необходимы согласованные меры по применению законодательных и налоговых механизмов, чтобы стимулировать инвестиции в энергоэффективность.

Группа компаний, о которой я хотела бы упомянуть особо — это энергосбытовые компании. Необходимо развивать рынок энергосбытовых компаний, имеющий большой потенциал. Если сравнивать с другими странами, в России эти компании представлены недостаточно.

Я знаю, что существует проблема тарифов. Тарифы действительно необходимо повышать. Всегда есть незащищенные потребители, это правда, но лучше вводить для них целевые льготы, чем устанавливать режим, от которого выигрывает каждый, включая средний класс и людей с высоким доходом, которые не нуждаются в низких ценах. Они в состоянии платить, но некоторые люди — нет. Мы должны помочь этим людям. Тарифы, не отражающие затрат, становятся препятствием на пути инвестиций в энергоэффективность. Именно это и происходит в России: у потребителей

возникают проблемы с местными тепловыми сетями. Тут важен один из вопросов, о котором упомянул господин министр — приборы учета потребления энергии. Конечно, возникает вопрос: кто выигрывает от повышения тарифов? Куда пойдут эти средства? Это означает, что нужна прозрачность относительно того, что происходит с полученными деньгами. Иначе люди будут протестовать против роста платежей. Если они увидят в этом какой-то выигрыш для себя, они согласятся; вот почему так важна прозрачность.

Я упоминала финансовый сектор. Энергоэффективность часто становится финансовой проблемой, особенно в секторе домохозяйств; при этом сервисные энергетические компании также существенно зависят от внешнего финансирования. Государственная политика, направленная на борьбу с несовершенством финансового рынка, становится существенной составляющей достижения энергоэффективности. Следует разъяснять обществу эту политику и умножать усилия по ее продвижению на всех уровнях, подключая университеты, федеральные и региональные правительственные агентства. Мы полагаем, что Россия нуждается в сильной политике и богатом экспертном опыте в этих областях.

Можно ли сделать это на следующий день? Можно ли сделать это в течение одного года? А за два года? Нет, невозможно. Энергоэффективность требует серьезных усилий в продолжение ряда лет. Ей нужна долговременная политика. Для решения таких задач необходимо использовать новые возможности для экономии энергии, которые возникают в результате технологических изменений и появления на рынке новых продуктов, что требует времени.

В глобальной перспективе политика, направленная на улучшение энергоэффективности в промышленности, может за короткий срок привести к большой экономии энергии. Хотела бы упомянуть опыт других стран. Япония имеет весьма эффективную программу Top Runner для домашней бытовой электротехники. В Китае есть программа Top 10 000, которая нацелена на

радикальное снижение промышленного электропотребления. На базе ее успеха разворачивается другая программа — повышение промышленной энергоэффективности. Эта программа покрывает две трети общего энергопотребления в Китае. К 2015 году там планируется сэкономить 250 миллионов тонн условного топлива. Соединенные Штаты проводят интенсивные программы энергосбережения под контролем энергетических компаний, финансируемых налогоплательщиками. Эти компании имеют обширное портфолио энергосберегающих стандартов для бытовой техники. Они ввели стандарт энергоэффективности и обязательства по ресурсосбережению — это правильный путь. Германия создала бурно растущий рынок для энергосбытовых компаний. Я полагаю, что развитие этого рынка объясняется эффективным сочетанием правительственной поддержки (что включает техническую и финансовую поддержку) и неправительственных программ. Созданы благоприятные условия, включая налоги на энергетику, которые значительно увеличивались (пропорционально растущим ценам на энергию) по мере либерализации рынка.

Давайте будем честными: ценность зарубежного опыта имеет определенные ограничения. На нем можно учиться, это правда, но политика должна быть адаптирована к национальной специфике, иначе она не будет работать. Чтобы выработать действенную энергосберегающую политику, необходимо в национальном контексте рассмотреть рамочные условия для национальной энергетической системы. Опыт других стран может помочь, и я убедительно призываю учиться на нем, потому что он включает все факторы, из которых складывается эффективность политики. Он способен помочь в осуществлении реформ, необходимых, чтобы действительно достичь конкурентоспособности и резкого повышения эффективности. На этом я закончу.

М. Филимонов:

Спасибо большое.

В дополнение к Вашему выступлению, госпожа Ван дер Хувен. Вы перечислили целый ряд мер, которые необходимо принять для того, чтобы повысить энергоэффективность. А, если «отжать» все, что Вы сказали, какие бы две-три самых важных вещи, на Ваш взгляд, было бы полезно сделать России, чтобы в достаточно короткой временной перспективе получить максимально возможный эффект?

М. ван дер Хувен:

Во-первых, я хотела бы подчеркнуть необходимость изменений в секторе электроснабжения, поскольку здесь каждый может ощутить перемены к лучшему. Во-вторых, я хотела бы подчеркнуть необходимость изменений в промышленности, требуемых для повышения конкурентоспособности; чтобы стать полноправным членом ВТО, необходимо быть конкурентоспособным, это действительно очень важно. В-третьих: где еще используется много энергии, кроме энергоемких отраслей промышленности? В домашних хозяйствах, где энергия потребляется бытовой техникой. Заменить эти приборы легче, чем изменить систему в целом, поскольку срок жизни бытовой техники составляет от пяти до десяти лет, после чего она вытесняется новой. Я говорю об осветительных приборах, лампочках и тому подобных вещах: начать перемены здесь довольно просто. Остальное сложнее. Сосредоточьте усилия на этих трех направлениях.

М. Филимонов:

Спасибо большое. Мистер Фэллон, я хотел бы передать Вам слово с тем, чтобы Вы поделились тем опытом, который есть у Вас в Вашей стране для решения задач по энергоэффективности, и, может быть, рассказали, каких ошибок стоит избежать России на этом пути, с тем чтобы ее движение по этому пути было не таким сложным, как у Великобритании.

М. Фэллон:

Спасибо, Максим. Доброе утро. Спасибо за приглашение выступить. Думаю, для России это правильная дискуссия в правильное время. Не хочу учить Россию, что и как ей делать, но могу предложить некоторые соображения по поводу того, что мы сделали в Великобритании.

Наша энергосберегающая стратегия построена на двух постулатах. Во-первых, чтобы иметь современную процветающую и глобально конкурентоспособную экономику, необходимо быть максимально энергоэффективным и «зеленым». Во-вторых, ситуация в Великобритании такова: в последнее десятилетие мы перестали быть нетто-экпортером газа и нефти и теперь должны импортировать более 40% (и рост продолжается) потребляемых энергоносителей. В то же время мы должны соответствовать обязательствам Европейского Союза и другим международным обязательствам по снижению выбросов углерода и потреблению возобновляемой энергии. В итоге мы столкнулись с весьма специфическим вызовом. Но мы убедились, что энергоэффективные стратегии сами по себе могут способствовать экономическому росту. Они добавили до 0,1% скорости нашего роста и создали несколько сотен тысяч рабочих мест. При этом низкоуглеродный сектор рос быстрее, чем остальная экономика в целом. Он вырос на 5% за год и сегодня стоит около 17 миллиардов фунтов. Энергоэффективная политика и развитие низкоуглеродного сектора могут сами по себе усилить нашу экономику, сделав ее более динамичной и конкурентоспособной.

Полагаю, сейчас может возникнуть такой вопрос: как правительства могут наилучшим образом стимулировать поиск путей повышения эффективности и сопутствующего ей экономического роста? Я мог бы предложить четыре вывода на основании опыта Великобритании. Во-первых, политика такого рода должна быть целевой и ясной, и, как совершенно справедливо сказал господин Новак, цели и обязательства должны сочетаться со стимулами. Например, в Британии мы законодательно обязали поставщиков энергии проводить энергосберегающую модернизацию. При этом правительство

выделило средства новому инвестиционному фонду для поддержки адаптации промышленности к нововведениям. Мы компенсировали затраты наиболее энергоемких отраслей за скорость, с которой они должны прийти в соответствие с нашими европейскими и международными обязательствами. Нечто похожее произошло и с потребителями. Поскольку потребители должны оплачивать часть затрат по введению технологий возобновляемой энергии, мы запустили для них программу Green Deal, чтобы помочь финансировать энергоэффективные улучшения в их домах из расчета меньших счетов в будущем.

Во-вторых, на реформированных энергетических рынках важно с самого начала создать стратегии сокращения спроса, чтобы убедиться, что это сокращение стимулировано правильно. Кроме того, нужно использовать некоторые хорошо разработанные финансовые методы, которые дают энергетическим компаниям, снижающим спрос, правильные стимулы для их успеха на энергетическом рынке.

В-третьих, необходимо быть уверенным, что здесь существует конкуренция. В Британии сегодня шесть крупных энергетических компаний. Мы считаем, что этого слишком мало. Мы поощряем независимые компании вводить инновации, в которых нуждается энергетический сектор. Мы поощряем потребителей выбирать, поощряем их переходить на более низкие тарифы. Мы добились того, что теперь энергетические компании обязаны упрощать информацию о тарифах, которые они предлагают промышленности и домохозяйствам. В последний период, по которому мы имеем статистику, около 1,5 миллиона человек сменили своих поставщиков энергии, что, я считаю, стало существенной вкладом в создание конкуренции на энергетическом рынке.

В-четвертых, я полагаю, что предшествующий выступающий коснулся этой темы — необходимо обеспечить широкую общественную поддержку этим начинаниям. Стоимость энергоресурсов растет. Это не просто арифметический рост цен — он несет политическую нагрузку. Сегодня эти

расходы составляют большую долю затрат во многих домохозяйствах и во многих промышленных бюджетах. Очень важно, когда цели заявлены публично, когда относительно них существует консенсус. Там, где осваиваются новые стратегии, общество должно отчетливо понимать, что пропорции коммунальных платежей связаны с этими изменениями, что новые цены зависят от международных факторов, от изменения цен на энергоносители и так далее. Чрезвычайно важно убедиться, что общество понимает необходимость изменений, которые следует произвести, и что государство находится в поиске консенсуса. Наша цель — к 2020 году сократить энергопотребление в бытовой сфере на 11%. Считаю, что в России более амбициозный набор целей. Кажется, господин министр говорил о сорокапроцентном сокращении потребления к 2020-му году. Уже отмечалось, что если бы Россия использовала энергию так же эффективно, как страны ОЭСР, она сэкономила бы столько энергии, сколько Британия потребляет. Здесь скрыт огромный выигрыш для России. Если есть другие пути, где мы будем полезны, то в рамках меморандума о взаимопонимании, уже заключенного между нашими странами, мы с удовольствием углубим наше сотрудничество. Спасибо.

М. Филимонов:

Спасибо большое, господин министр. Мы услышали мнения государств, мнения регуляторов — теперь пришло время послушать бизнес.

Дмитрий, Ваша отрасль является одной из самых энергоемких, и многие Ваши коллеги, которые также потребляют очень много энергии, жалуются на то, что у них нет денег на то, чтобы вкладывать в дорогие и не всегда дающие быструю отдачу проекты по повышению энергоэффективности их предприятий. «СИБУР» делает такие инвестиции. Какую выгоду Вы видите в этом для себя, и что бы Вы, с точки зрения бизнеса и с Вашей точки зрения, могли бы порекомендовать регуляторам и государству для того, чтобы их политика была максимально эффективной?

Д. Конов:

У меня есть короткий ответ и ответ существенно длиннее.

Короткий ответ: я искренне верю в то, что те, кто не занимаются энергоэффективностью за счет модернизации, в конечном итоге уйдут с рынка и не смогут существовать как бизнес или как компания. Это может случиться в коротком временном промежутке, это может случиться в чуть более длинном, но в конечном итоге это случится со всеми. Это неизбежность, и деньги, не потраченные сегодня, — это деньги, которые могут в конечном итоге привести к закрытию того или иного бизнеса в далеком или не далеком будущем.

Цель, которую мы сегодня обсуждаем — снижение энергоемкости ВВП на 40% за 12 лет (насколько я помню, в первый раз эта цифра появилась в 2008 году). В истории XX века или XXI века, найдется лишь несколько примеров, когда подобное снижение энергоемкости, подобное сбережение энергии было достигнуто за такой период времени. Из того что знаю я (думаю, что у коллег могут быть на это разные взгляды), есть всего два примера за весь XX век или за всю послевоенную историю. Сама цель изначально была достаточно амбициозной. Это не означает, что к ней не нужно стремиться. Но она была задана с некоторым отрывом от реализма.

Как мы обычно рассматриваем причины? Мы сравниваем то, что построено много лет назад, и то, что существует в самом последнем поколении технологий. В абсолютных цифрах те же самые 40%, вполне вероятно, и есть разница между одним поколением технологий и другим, одними устройствами или одними зданиями и другими. Но при этом нужно помнить, как уже было сказано о бытовых приборах или о транспорте: автомобиль меняется в среднем раз в десять лет, энергетические мощности раз в 30—50 лет, и, например, здания меняются в среднем реже, чем раз в 50 лет. Поэтому если вопрос в том, что нужно всё сразу за 10 лет снести и создать новое, то тогда эта цель в 40% плюс-минус достигается. Наверное, это не очень реалистично, но нужно искать для этого какие-то дополнительные механизмы.

Сегодня уж было сказано, что на самом деле нефтехимия — не самая энергоемкая отрасль. Непосредственно у «СИБУРа» есть часть, которую мы называем сырьевой. Мы, среди прочего, попутно перерабатываем нефтяной газ, и за 10 лет переработка выросла с восьми миллиардов до двадцати с лишним миллиардов кубометров. Можно было бы сказать, что это самый большой вклад «СИБУРа» в энергосбережение, но это слишком просто и не совсем объективно. Наш самый большой вклад, как компании и как отрасли, в энергосбережение (и именно поэтому нефтехимические компании, создавая свои продукты, экономят в два раза больше энергии, чем тратят на их создание) — это то, как используется то, что мы производим.

Например, можно посмотреть на те материалы, которые производит нефтехимия, и подумать, например, о 15 или 20 последних годах развития автомобилестроения. Если 15—20 лет назад каждый автомобиль содержал пять—семь килограммов полимерных материалов, то сейчас полимеров в легковой машине около двухсот килограммов. Автомобильная промышленность снижает вес, шинная промышленность снижает трение, для того чтобы экономить энергию в конструкциях. Прогресс за эти 15—20 лет существенно продвинулся, и автомобили стали гораздо более экономичными, во многом — за счет того, что в них все в большем объеме используется нефтехимические материалы.

Если посмотреть на изоляцию зданий и сооружений, то видно, что использование нефтехимических материалов экономит обычное стекло, дерево, бетон и прочее, но в целом очень сильно меняет конфигурацию и значительно повышает энергоэффективность зданий. Опять-таки, самый большой вклад такой достаточно энергоемкой отрасли, как нефтехимия, в энергосбережение — это создание материалов, которые помогают другим отраслям или другим производителям эту энергию экономить.

Второе направление, о котором можно упомянуть — это технологии производства. В России достаточно много примеров, когда в очень похожих производственных процессах используется несколько поколений технологий.

Если посмотреть на то, какие установки стоят на территории России, то они могут быть трех-четырёх поколений с совершенно разной эффективностью. Из достаточно известных бытовых примеров — простой процесс электролиза — разложение и производство хлора под воздействием электричества. Есть ртутный электролиз, который практически везде в мире запрещен, а в России существует и работает. Это три поколения от того, что есть сегодня. Разница между существующим сегодня мембранным электролизом и ртутным электролизом в эффективности потребления энергии — около 60%.

Еще одна тема, которую я хотел бы затронуть — это тема, связанная с поведенческими аспектами и передачей компетенций. Компания «СИБУР», в 2012 году поставила себе цель снизить удельное энергопотребление на 5%. И снизила на 5,7% за один 2012 год. И во многом это было сделано не за счет инвестиционных проектов или каких-то инноваций, а за счет изменения поведения людей. Это было сделано за счет введения более жестких правил, за счет «работы дятлом» и вывешивания везде (я немного утрирую) призывов выключать свет, когда люди уходят, за счет визуализации процессов, за счет многих поведенческих вещей. Эти вещи, на самом деле, достаточно скучны, они обычно не попадают в фокус внимания, но могут давать очень значительный эффект. Главное — этим заниматься и делать это последовательно.

Последнее, о чем я хотел бы сказать — это постоянный баланс, который, как мне кажется, мы испытываем как индустрия и как регулятор. Это баланс между стимулированием («доброе») и принуждением (что «злое»). Я уверен, что нужно делать и то и другое. Без принуждения стимулирование не работает. Причем, как мне кажется, это универсально и относится и к энергосбережению, и ко многим другим вещам.

Если говорить о принуждении, то инструменты, регуляторы у государства есть. Это те же самые стандарты, сертификация, типовые проекты. Выдача или невыдача разрешений на строительство в зависимости от эффективности применяемых технологий. Соответственно, сертификация и несертификация

товаров и продуктов, которые являются менее энергоэффективными, чем установлено целями государства.

И самое последнее. Заранее извиняюсь за используемую лексику. Сразу скажу, что это цитата с интернет-сайта Премьер-министра Российской Федерации, которым несколько лет назад работал Владимир Владимирович Путин. История встречи Владимира Владимировича с одним из губернаторов («СИБУР», кстати, работает в том регионе, откуда этот губернатор, но я все равно называть его не буду) к теме стимулов и принуждений. На встрече обсуждались, например, детские сады (я, честно говоря, не помню, что именно). И губернатор на вопрос Премьер-министра доложил, «у нас показатель по детским садам 99%». Владимир Владимирович спросил: «Товарищ губернатор, когда мы встречались три месяца назад, у Вас этот показатель был в критическом состоянии. Как вам удалось сейчас показать 99%?» На что губернатор ответил: «Вы знаете, Владимир Владимирович, когда мы встречались в прошлый раз, Вы выписали нам чудодейственный пендель, и он нам очень сильно помог». <Смех в зале.> Как мне кажется, «чудодейственный пендель», цитируя этого губернатора, достаточно сильно помогает.

М. Филимонов:

Спасибо, Дмитрий. Кажется, Вы предложили нам универсальную формулу повышения энергоэффективности российской экономики.

Д. Конов:

Это, кстати, относится не только к энергоэффективности.

М. Филимонов:

Жан-Паскаль, Вы работаете в сфере внедрения проектов, направленных на повышение энергоэффективности во многих странах, в том числе и в России. Насколько активно российские клиенты внедряют у себя Ваши наверняка

недешевые технологии? И что, по-Вашему, можно было бы сделать для того, чтобы более активно их к этому стимулировать?

Ж.-П.Трикуар:

Я рад присутствовать здесь. Я принимаю участие в этой дискуссии не потому, что предлагаю опыт другой страны, но потому, что Россия — наш второй по величине бизнес в Европе. Это наша вторая по величине клиентская сеть. У нас здесь более 10 тысяч партнеров, поэтому проблема, которую вы сегодня поднимаете, это и наша проблема. Сопоставляя Россию с другими странами, я глубоко симпатизирую именно ей, поскольку Россия — страна особенная. Россия — самая большая по территории страна в мире, и хотя сегодня в Петербурге погода нам благоприятствует (приезжать в Санкт-Петербург вообще лучше всего в июне), по большей части в городе экстремальные погодные условия. Здесь или очень жарко, или очень холодно, и когда мы говорим об энергетике, тут это имеет особый смысл.

Я хотел бы вернуться к нескольким затронутым темам. Во-первых, это острый запрос на энергоэффективность, который возникает внутри страны — что мы видим по нашим потребителям. В энергоемких отраслях это еще и вопрос конкурентоспособности. Работа с ресурсами, с продуктами химии, с энергетикой предполагает операции на международном рынке, где вы конкурируете с людьми, имеющими доступ к энергии, которая, возможно, несколько дороже, но большая часть ваших затрат — это все-таки энергозатраты. Вы должны работать над их снижением. Вчера я присутствовал на сессии, где большинство участников составляли нефтяники и газовики; они говорили о ценах, о ценах, о ценах... Они забывали о том, что если мы снизим потребление на 30% или 40%, цена станет не столь важна. Пред нами целая отрасль, озабоченная только ценой? Отрасли недостаточно интересоваться только объемом потребления. Если вы производитель, вы понимаете это. Если вы хотите остаться в бизнесе и завтра, вы должны стать гораздо более конкурентоспособным при существующем потреблении.

Мой второй пункт — это отмеченные Марией домохозяйства, изначально способные генерировать деньги, которые можно вложить в другие социальные секторы: в здравоохранение, образование или в инфраструктуру. Давайте вспомним: вчера прошла сессия, посвященная воздействию эмиссии CO₂ на климат нашей планеты. Россия признана 4-м крупнейшим эмитентом этих выбросов, но к нам в компанию Schneider приходят все больше и больше потребителей, которые говорят: «Я готов покупать ваши продукты, если ваша углеродная эмиссия низка». Это становится вопросом репутации компании, влияет на возможность продавать свою продукцию, и все это, по большому счету, правильно. Если ваше производство отличается минимальными выбросами оксида и диоксида углерода, это хорошо для вашего бизнеса: такой имидж увеличивает объем продаж. Поражает развитие технологий, в которых огромная революция произошла даже не в последние десять лет, а в последние пять. Одним из прорывных направлений стало появление так называемого «Интернета вещей». С помощью Интернета в течение последних 20 лет на нашей планете были соединены 2,5 миллиарда человек. В следующие восемь лет мы собираемся соединить еще 2,5 миллиарда. Огромное значение имеет то обстоятельство, что мы соединим 40 миллиардов разнообразных технических устройств. Соединено будет все, что окружает нас: бытовая техника, наши автомобили, наши парковки (я буду знать, где можно припарковаться прямо сейчас). Но прежде всего это будет соединение энергетических систем. Не уверен, что каждое бытовое устройство должно стать разумным, потому что стоимость этого будет слишком высокой, к тому же потребуется много времени. Я уверен, что наша компания в следующем году будет поставлять на рынок системы, которые смогут выключать в доме всю бытовую технику на время вашего отсутствия, и такие системы с полной установкой будут стоить менее тысячи долларов. Срок окупаемости подобных систем составляет два с половиной года. От вас ведь не потребуется менять холодильник, печь, телевизор и все остальное. Честно говоря, большая часть этой техники используется менее 50% времени. Если купить разумную

автоматику, которая выключит все приборы на время вашего отсутствия, вы прилично сэкономите. Мое последнее замечание по вопросу информационных технологий состоит в том, что энергоэффективность — это не только экономия энергии. Это эффективность всей цепочки: от электростанции до подключения конечного пользователя. Интернет вещей впервые позволяет нам оптимизировать энергопотоки на всем маршруте от потребления до генерации. Приведу один пример. Большая часть электрических сетей в мире используется в течение половины времени своей работы менее, чем на 50% от возможного. Почему так получается? Ночью все мы спим. Утром мы все одновременно начинаем потреблять энергию. Мы нуждаемся не только в экономии энергии, но и в смещении времени потребления. Иногда цена электроэнергии в Европе оказывается отрицательной. Если бы благодаря технологии вы были способны потреблять больше в эти особые периоды, то вам бы платили за потребление. Стоит подумать об этом, поскольку это — наше будущее. Не через 10 и не через 20 лет. Это будущее наступило уже сегодня.

Информационные технологии уже здесь, и я возвращаюсь к тому, что было сказано и что имеет два следствия. Во-первых, энергоэффективность обсуждалась в связи с долговременной политикой, с долговременной окупаемостью. Окупаемость же информационных технологий составляет три года. Это короткий срок. Мы говорили о жилых домах. Конечно, хочется жить в прекрасных зданиях, но их строительство может затянуться. Если уже сейчас на время своего отсутствия отключать свой несовершенный дом от энергопотребления, то срок окупаемости затрат окажется весьма кратким. Чтобы установить эту систему, не нужно отключать сети и разрушать стены; вся работа может быть сделана за один день. Система совершенно проста в применении. Используемые технологии делают ее дешевой и быстродействующей.

Итак, в чем мы нуждаемся? Скажу очень коротко. Мы нуждаемся в сочетании правил и стимулов, но думаю, иногда следует начинать с правил. Если срок

окупаемости энергоэффективного здания составляет три года, надо сделать так, чтобы все новые здания потребляли менее 100 киловатт/часов на квадратный метр в течение года. Этого будет достаточно для каждого. Итак, следует установить простые правила.

Второй момент — измерения. В промышленности это просто: все, что может быть измерено, измеряется. Мы говорили о ключевых индикаторах исполнения для последующей оценки проведенной работы. Для этого необходимо проводить замеры. В энергетике это совсем просто. Мы должны вывести приборы учета в Интернет и сделать такие измерения доступными каждому. Люди с помощью нашей компании могут получить ясную картину структуры своего потребления. Увидев это, они становятся разумнее в своих решениях. Они хотят делать, как лучше, и если вы предоставляете им информацию, они поступают правильно. Все это возможно.

Полагаю, что нам нужно много пилотных проектов, поскольку речь идет о новых технологиях. Необходимо, чтобы муниципальные и городские власти работали с домовладельцами, работали с компаниями и взаимодействовали с общественностью через частно-государственные партнерства и частные проекты. Полагаю, что в большинстве стран государство владеет большинством квадратных метров в любом городе, оно должно образцово вести дела, служить примером. Каждый город, каждое общественное здание должно иметь план энергоэффективности и указывать путь энергосбережения, потому что если государство заботится о сбережении ресурсов, граждане тоже будут экономить.

Мы не коснулись одного пункта, который представляется мне достаточно важным. Мы говорим об источниках возобновляемой энергии, об Интернете вещей, об энергоэффективности — но это целая специализация, совершенно новый бизнес. Сегодня нет программ подготовки к нему. Необходимо предложить университетам и школам разработать образовательные программы для новых рабочих мест. Очень убедительно говорят о массовом создании рабочих мест в новом секторе. Но как они будут оплачиваться? Эта

оплата будет осуществлена за счет экономии, поскольку от этих нововведений выигрывают все. Необходимо, чтобы компании, государство и образовательная система совместно работали над развитием новых секторов. Вот те пять пунктов, по которым я хотел высказаться. Спасибо.

М. Филимонов:

Спасибо большое, Жан-Паскаль. Анатолий, как уже было сказано, цели, которые стоят перед Россией в этой сфере, очень амбициозны. Потенциальное количество проектов очень велико. Однако банки очень консервативно относятся к этому направлению, очень неохотно выделяют на это средства. Что, на Ваш взгляд, необходимо сделать? Какие инструменты могли бы быть максимально эффективны для финансовых институтов, чтобы более активно играть на этом поле?

А. Тихонов:

Спасибо. Добрый день, уважаемые коллеги.

Действительно, тема сама по себе очень актуальна. Она актуальна не только для российской экономики. Как мы слышали от коллег, она актуальна во всем мире.

«Внешэкономбанк» является российским институтом развития, поэтому такая тема, как развитие энергетики, является одним из приоритетов в нашей кредитной политике. В классике получается так, что энергоэффективность достигается двумя способами. Один способ — это естественное обновление экономики, и второй способ — это реализация целевых проектов в области энергоэффективности.

Как раз с первым вариантом (естественное обновление экономики) все обстоит проще. Мы в своей кредитной политике приняли решение, что при рассмотрении того или иного нового индустриального проекта обязательно проводим аудит на предмет его энергоэффективности. То есть мы понимаем, что любой проект, который реализуется при участии «Внешэкономбанка»,

реализуется на самом современном энергоэффективном оборудовании. Здесь присутствует господин Конов. Могу сказать, что, когда мы рассматривали проект, который реализует «СИБУР» — «Тобольск-Полимер», у нас такая экспертиза была, и мы считаем, что сегодня это одно из самых современных предприятий в своей отрасли. Такой же пример могу привести с компанией «РУСАЛ». Мы кредитуем Богучанский алюминиевый завод и тоже делали такую экспертизу. Я могу ответственно сказать, что это будет один из самых современных алюминиевых заводов в мире.

Со вторым случаем, когда нужно формировать базу энергоэффективных новых проектов, дело обстоит хуже. В первую очередь, у нас и, я думаю, у других государственных банков недостаточно компетенций, поскольку, как пример, те же энергосервисные контракты — это достаточно новая ниша для российского рынка, хотя и очень большая. Я знаю, что и в «Сбербанке» создано отдельное подразделение, которое занимается такими проектами. Мы двигаемся в этом направлении. У нас есть департамент, который активно этим занимается, у нас есть своя инжиниринговая компания. Но тем не менее, на мой взгляд, для того чтобы инвестиции пошли в отрасль энергосбережения, нужно чтобы государство в первую очередь определило приоритетную отрасль.

Энергоэффективность — это, бесспорно, вся российская экономика. Александр Валентинович уже говорил о том, что есть промышленная отрасль, есть отрасль транспорта, есть отрасль жилищно-коммунального хозяйства. Мы, со своей стороны, помогаем регионам формировать проектную базу. Два года назад решением нашего наблюдательного совета мы создали Фонд содействия развитию региональных и муниципальных проектов. Я могу сказать, что достаточно много проектов, которые нами уже разработаны, касаются региональной энергоэффективности. Но наверное, этого тоже недостаточно, поскольку как раз в экономической части есть государственные методы стимулирования, которые могут быть более эффективными.

Например, субсидии. Сегодня есть субсидии из федерального бюджета, которые Министерство энергетики распределяет среди субъектов. К сожалению, у нас исторически так сложилось, что большинство субсидий, которые распределяются федеральным бюджетом, носят уравнивающий характер. Я думаю, что это очень хороший инструмент для того, чтобы стимулировать субъекты на ускорение движения в направлении энергоэффективности. Постепенно можно перейти к проектному подходу. Причем, я думаю, что это достаточно оперативная работа. Уже в 2014 году можно устроить среди регионов конкурсы пилотных проектов и определить, кто привлечет больше инвестиций, то есть пойти по пути мультипликации, о котором мы говорили. Вы знаете, был инструмент с названием «инвестиционный фонд»: сколько регион может привлечь частных средств на рубль вложенных государственных средств. Мне кажется, что это изменило бы подходы регионов и, в первую очередь, создало бы некую состязательность в процессе получения федеральных денег.

Второй инструмент, который сегодня есть у федерального центра, — это государственные гарантии. Если я не ошибаюсь, государственные гарантии в бюджете по проектам энергоэффективности составляют 10 миллиардов рублей. Но я пока не знаю ни одного примера их реализации. «Внешэкономбанк» является агентом правительства по работе с государственными гарантиями, и скажу вам по практике, что государственные гарантии полностью себя оправдали как элемент антикризисных мер. Когда в 2008 году были выданы государственные гарантии, они действительно поддержали наш реальный сектор. Да, есть государственные гарантии проектов на Северном Кавказе, которые также работают, но это тоже было совершенно отдельное стимулирующее решение. А по остальным направлениям, которые касаются поддержки инвестиционной деятельности, пока такого активного движения нет.

В то же время, мировой опыт показывает, что достаточно востребована мера стимулирования в виде так называемых «белых» или «зеленых»

сертификатов (называть их можно по-разному). Александр Валентинович вначале уже говорил, что возможен такой вариант: перейти от схемы государственных гарантий к схеме сертификатов. Понятно, что у нас в Российской Федерации такой юридический механизм пока еще не проработан, хотя есть прецеденты, которые были связаны с реализацией Киотского протокола. Можно посмотреть на положительный опыт или какие-то отрицательные моменты, проявившиеся в период работы по Киотскому протоколу. Тем не менее, мне кажется, что это достаточно интересный инструмент, который будет востребован, потому что бизнес поймет, что экономическое стимулирование действительно есть. А как вы знаете, работа сертификатов строится на том, что они становятся деньгами только тогда, когда достигается эффект. Тем самым, мы можем развить в нашей стране еще и дополнительную инжиниринговую компетенцию. Я считаю, что сейчас у нас в стране она развита недостаточно.

М. Филимонов:

Анатолий, у нас осталось очень мало времени.

А. Тихонов:

Да, я завершаю свое выступление.

Хочу сказать, что рынок действительно очень большой. Этот рынок интересен финансовым институтам, нам просто хотелось бы, чтобы государство определилось в тех приоритетах энергоэффективности, которые оно будет поддерживать. А мы, со своей стороны, готовы эти проекты финансировать.

И в заключение расскажу еще об одном инструменте. Есть замечательная организация, «Российское энергетическое агентство», которая выполняет функции координатора государственных программ. За последний год проведена очень большая работа по интеграции в проектную деятельность этой компании. Но есть, на мой взгляд, один момент, который мешает полноценной работе — это ее правовая форма: федеральное

государственное учреждение. Александр Валентинович, может быть, следует посмотреть на международный опыт, или даже на российские примеры? Вот АИЖК (Агентство по ипотечному жилищному кредитованию) у нас работает над поддержкой ипотечного кредитования. Мне кажется, что федеральное государственное учреждение — это немного не та форма.

Спасибо, коллеги. Все-таки, выбирая кнут или пряник, я считаю, что у нас в экономике должно работать и то, и другое.

Спасибо.

М. Филимонов:

Спасибо большое.

Александр, здесь достаточно много говорили о необходимости активных действий именно в Вашей сфере, в сфере производства электроэнергии. Ваша компания имеет опыт работы и в России, и за границей, и Вы можете сравнить, что необходимо сделать для того, чтобы привести наши стандарты к лучшим мировым практикам.

А. Чуваев:

Спасибо.

Здесь последним выступать всегда хорошо, потому что знаешь, о чем говорили предшественники по выступлениям. Я бы хотел прокомментировать «дружеский пендель», который тут упомянул Дмитрий Конов, и сферу ЖКХ. Сколько «дружеских пенделей» раздавались по сфере ЖКХ с самой высокой ноги, а воз и ныне там. Сколько раз пытались всю эту историю стимулировать с точки зрения энергоэффективности, повышая тарифы ЖКХ на 6%, при этом газ рос на 15% — воз и ныне там. Как говорил Жванецкий, может, в консерватории что-нибудь подправить?

Мне бы хотелось сказать, что вчера был интересный круглый стол по промышленности и по инновационному развитию, где выступил «РУСАЛ», выступил представитель Sollers Махов. И все говорили, что цена на газ, цена

на электроэнергию убивают конкурентоспособность российской промышленности. И все говорили, что «нам пора слезать с нефтяной иглы». Я задал им вопрос: «слезать с нефтяной иглы» — это когда энергоносители стоят дорого или дешево? И все они сказали, что энергоносители, для того чтобы «слезть с нефтяной иглы», должны стоить дорого, иначе стимула «слезать с нефтяной иглы» никакого ни у кого нет. Если бы авиационный керосин стоил столько же, сколько он стоил в Советском Союзе, мы до сих пор летали бы на Ил-18. При этом электроэнергетика, которая потребляет 65% от всего газа, до сих пор «летает на Ил-18», а может быть, и на Ил-2. И стимулов к модернизации за пределами ДПМ (договоров поставки мощности) нет никакого. Более того, был единственный стимул — рост цены на газ до равнодоходности, который сейчас пытаются убрать. Если рост цены на газ будет идти так, как предлагают сейчас некоторые министерства — 5%, 5%, 0% и далее 0%, то о модернизации электроэнергетики можно забыть.

Давайте, сравним наш газ с тем, что творится с газом в мире. Если мы возьмем США с их сланцевой революцией, то цена на Henry Hub на 45% ниже, чем цена на Урале, а это примерно сравнимые затраты, не считая транспортировки. Если сравнить цену в Европе с ценой на газ в России, то цена на газ в России в три раза ниже, чем в Европе. При этом цена на газ в Европе дошла до того, что, с учетом возобновляемых источников энергии, около 100 гигаватт газовой генерации в Европе стоит на выход, если они чего-то не сделают. А это наше потребление газа, потому что Европа потребляет наш газ. Вновь напрашивается сравнение про консерваторию.

Еще один момент с точки зрения газа — это цена на электроэнергию. Составляющая цены на электроэнергию для потребителей — сетевой тариф — дошел до 45%. Это дает прекрасную возможность потребителям уходить от сетей и стоять свою собственную генерацию. Например, здесь сидит Дмитрий Конов, он наверняка с удовольствием построит свою собственную генерацию, например в Тобольске, для того чтобы 45% либо взять себе, либо разделить с генерирующей компанией.

Второй вопрос, который я хотел бы затронуть здесь очень коротко, — это котельнизация. Строительство котельных и сокращение теплоэлектроцентралей или комбинированной выработки — это хорошо или плохо? Начнем с того, что на котельных тариф на тепло примерно на 30—40% (это на новых котельных) выше, чем на ТЭЦ. Если говорить о котельных, которые сравниваются с ТЭЦ и которые отработали уже 20—25 лет, то тариф будет в два раза выше. При этом рынок не дает рыночных сигналов к тому, чтобы их модернизировать. Если мы говорим о Финляндии или о Скандинавских странах, например Дании, там просто вышел запрет на строительство конденсационной генерации, просто запрет и всё. Сейчас у них 80% тепла вырабатывается в комбинированной выработке. Это огромные — я повторяю то, что сейчас говорили предыдущие ораторы — резервы для повышения энергоэффективности.

Собственно, всё, что я хотел, я сказал.

М. Филимонов:

Спасибо большое, Александр.

Александр Валентинович, Вы дали этой дискуссии старт и, может быть, Вы хотите в конце сделать какие-то ремарки в отношении того, что Вы услышали, потому что Вам формировать политику.

А. Новак:

Спасибо большое.

Мне очень понравилось последнее выступление Александра. В последний раз мы с ним это обсуждали, по-моему, в воскресенье. На самом деле, я очень часто встречаюсь с нашими коллегами в электроэнергетике, которые занимаются кто производством электроэнергии, кто услугами по передаче, кто потребителями, и, конечно, у всех разные взгляды. Но в данном случае я поддерживаю коллегу Чуваева в том, что на самом деле именно для повышения энергоэффективности нам нужно, чтобы соответствующие цены на

энергоносители были рыночными. Если они будут рыночными, тогда будет мотивация к тому, чтобы происходила модернизация. Правда, здесь есть вторая сторона медали, о ней тоже нужно всегда помнить, с тем чтобы это существенно не влияло на потребителей. О потребителях тоже нужно думать, потому что понятно, что высокая цена на газ влияет на все остальные отрасли промышленности и на стоимость самой электроэнергии уже непосредственно для конечного потребителя. Иногда бывает, что принимают решения строить не только свою генерацию, но и свои сети: электроэнергия дорогая и, соответственно, покупать бывает дороже. С точки зрения модернизации эффективности, мне кажется, это правильно.

Мне кажется, что коллеги, которые выступали сегодня, сошлись во мнении, что нет единого рецепта: либо мы должны заниматься экономическим стимулированием, либо устанавливать какие-то требования. Это действительно должен быть баланс мер, который подразумевал бы среди прочего и ужесточение нашей технической политики.

Здесь применялись различные «термины». Я так понимаю, это было сказано в сторону технической политики: нужно устанавливать дополнительные требования и стандартизировать. Мне кажется, что энергоэффективность — это действительно большой стимул для развития экономики. Это не вид экономической деятельности — мне кажется, что все отрасли должны, так или иначе, заниматься энергоэффективностью. Конечно, есть отрасли более энергоемкие, где, может быть, приложение сил и методов регулирования государства дало бы наибольший краткосрочный эффект. Это тоже мне кажется правильным. Если мы в России потребляем тысячу миллиардов тонн условного топлива, и мой коллега, министр из Великобритании, который ушел, сказал, что мы можем сэкономить ровно столько, сколько потребляет Великобритания, это действительно большой стимул для нас заниматься энергоэффективностью. Я думаю, что нам нужно сделать выводы, еще раз изучить международный опыт и подготовить более качественные предложения

и в части экономического стимулирования, и в части установления дополнительных требований.

Хочу поблагодарить всех коллег за предложения. Я услышал предложение «Внешэкономбанка». Мы обязательно проработаем вопросы, связанные с определением приоритетов, с более эффективным использованием субсидий, с тем, как повысить эффективность работы «Российского энергетического агентства», которое занимается этими вопросами.

Спасибо.

М. Филимонов:

Спасибо большое, коллеги. У нас, к сожалению, не осталось времени на вопросы из зала, но у нас состоялась очень хорошая и интересная дискуссия.

Спасибо всем участникам.